

Полковник Гуров

Николай Леонов

Колдовская любовь

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Колдовская любовь / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Когда воскресным вечером полковник Гуров вышел из дому прогуляться до ближайшей булочной, он и не подозревал, какое потрясение его ожидает и как круто изменится спокойное течение его жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай ЛЕОНОВ, Алексей МАКЕЕВ КОЛДОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

Глава 1

Когда воскресным вечером полковник Гуров вышел из дому прогуляться до ближайшей булочной, он и не подозревал, какое потрясение его ожидает и как круто изменится спокойное течение его жизни.

Конечно, жизнь старшего оперуполномоченного по особо важным делам, коим являлся полковник Гуров, спокойной назвать трудно даже при самых благоприятных обстоятельствах, но именно в тот прекрасный вечер ничего плохого Гурову почему-то совершенно не предвиделось.

Сумерки еще только начинали сгущаться, и поэтому потрепанный «Мерседес» Стаса Крячко Гуров увидел почти сразу. Машина стояла метрах в пятидесяти от дома, вызывая оккупировав значительную часть противоположного тротуара. Прохожие обращали на «Мерседес» повышенное внимание, которое он вряд ли заслуживал.

Гуров был порядком удивлен – по нескольким причинам.

Во-первых, полковник Крячко, его старый соратник и друг, с которым они уже много лет делили один кабинет в главке, хотя и был человеком отчасти легкомысленным и чуждым условностей, но к правилам дорожного движения относился все-таки с уважением и без крайней нужды старался их не нарушать. Что побудило его сделать это сегодня, Гуров не мог понять.

Во-вторых, странным было само появление «Мерседеса». Конечно, Стас мог завалиться в гости в любую минуту, не утруждая себя светскими формальностями, но Гуров точно знал, что выходные Крячко собирался провести с каким-то дальним родственником, прикатившим в столицу из провинции, и свободным временем по этой причине не располагал.

В-третьих, самым удивительным было то, что, несмотря на присутствие «Мерседеса», самого Крячко нигде не было видно. Гуров мог поклясться, что разминуться они никак не могли. На какой-то миг он даже засомневался – тот ли это «Мерседес», хотя второго такого «гроба» в Москве точно не было.

«Может, появился? – подумал про себя Гуров. – В конце концов, любой монополии когда-то приходит конец...»

И в этот момент он увидел Крячко. Тот, оказывается, стоял совсем рядом – за ближайшим деревом у края тротуара и поэтому не слишком бросался в глаза. Охваченный любопытством, Гуров обошел дерево вокруг, и здесь его удивление достигло предела.

Это несомненно был Крячко – но в каком виде! Чтобы сохранить необходимое вертикальное положение, он неотрывно держался обеими руками за толстый ствол дерева и старался не шевелиться. Последнее у него получалось плоховато, потому что сила притяжения то и дело влекла его то вправо, то влево. Борьба с законами природы отнимала у Крячко все силы, поэтому он ни на что не обращал внимания. Взгляд его остекленел и был направлен строго вперед – на спасительный ствол. Гуров открыл рот.

Его поразило не то, что Крячко в подобном состоянии сумел проехать через вечернюю Москву, не уснув за рулем и не попав в аварию – Гурову было хорошо известно, что автоматизм водителей достигает иногда невероятного уровня и совершенно пьяный человек умудряется безошибочно управлять автомобилем, когда остальные жизненные функции уже едва теплятся. И уж, разумеется, совсем не поразило его то, что Крячко выпил, – к этому занятию его друг всегда относился с неизменным пиететом. Но Гуров не мог припомнить ни единого случая, чтобы Стас терял при этом человеческий облик. Он был для этого слишком крепок

физически и психологически. Если сегодня подобное произошло, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Но что это может быть, Гуров даже не пытался угадывать.

Он поступил проще – проверив, заперт ли автомобиль Стаса, он затем оторвал друга от дерева и, частично взвалив на плечо, как раненого героя, без лишних слов потащил к себе домой.

Вначале Крячко не сопротивлялся. Вряд ли он даже понимал, что с ним происходит. Повиснув на Гурове, он слабо перебирал ногами и изумленно смотрел вниз на дорогу.

Прохожие останавливались и откровенно пялились на странную парочку – высокий статный мужчина с седыми висками, при галстук, стоически волокущий крепыша в расстегнутой до пупа ковбойке, – это выглядело почище, чем «Мерседес», припаркованный поперек тротуара. Однако Гуров не обращал на них внимания – на его породистом лице сохранялось выражение спокойного достоинства, точно таскать пьяных по вечерам было его обычным занятием – как, например, бег трусцой у некоторых.

Сюрприз пришлось разделить с женой. Увидев смертельно пьяного Крячко, Мария только всплеснула руками и молча отправилась на кухню готовить кофе. Никаких комментариев с ее стороны не последовало – такого Крячко она тоже видела впервые в жизни.

Только без малого через час, после того, как Стаса хорошенько вымочили в ледяной воде и напоили лошадиной дозой крепчайшего кофе, он начал проявлять некоторые признаки жизни, шевелиться и даже произносить какие-то звуки. Наконец он сумел выдать из себя три осмысленных слова, и при всей парадоксальности и двусмысленности ситуации Гуров почувствовал в этих словах что-то по-настоящему серьезное.

– Лева, все пропало! – сказал Крячко.

Он сидел за обеденным столом, бледный, взъерошенный и жалкий, совсем непохожий на того неунывающего хохмача и оптимиста, которым знали его друзья. С его мокрых волос на лоб стекали крупные капли, но он даже не пытался их вытирать. Овечьими глазами он смотрел то на Гурова, то на Марию и повторял, с трудом ворочая языком:

– Все пропало, ребята!

На дворе уже окончательно стемнело, когда с помощью очередной дозы крепчайшего кофе и сверхчеловеческой интуиции Гурову наконец удалось в общих чертах выяснить, что же все-таки стряслось с его другом. Из бессвязных монологов Крячко, перемежаемых бесконечными стонами, загробными шуточками и криками «Все пропало!», Гуров сумел вычленил некую более или менее законченную историю. Однако в любом виде она была настолько фантастической, что поверить в нее было никак невозможно. Мария, например, не поверила.

Под каким-то предлогом она выманила Гурова из кухни и уже наедине озабоченно спросила:

– Тебе не кажется, что у него просто белая горячка?

– Ничуть не кажется, – серьезно ответил Гуров. – Во-первых, белая горячка развивается с похмелья – это медицинский факт, а Стас до сих пор пьян. А во-вторых, такое невероятное опьянение должно иметь столь же невероятную причину. По-моему, это логично.

– Так ты что – веришь в этот бред? – подозрительно спросила Мария. – Это же сказки тысячи и одной ночи! Такого просто не может быть! Стас все выдумал!

– Стас никогда не славился слишком развитым воображением. Он человек конкретный. Выдумать такую историю ему просто не по силам.

– Ну, может быть, он ее где-нибудь услышал? – уже не так уверенно предположила Мария.

– И она так поразила его, – подхватил Гуров, – что он немедленно пошел и напился до чертиков!.. Чтобы довести Стаса до такого состояния, нужна штука посильнее «Фауста» Гете! Боюсь, то, что ты называешь бредом, – на самом деле чистейшая правда, и Стас действительно влип.

– Тогда что же делать? – растерянно спросила Мария.

Весельчака Стаса она любила, несмотря на множество недостатков, которые в другом человеке считала бы нестерпимыми, но Стасу можно было простить многое, и его судьба по-настоящему волновала Марию.

Гурову и самому было не по себе, хотя за долгие годы работы в милиции он приучил себя сохранять спокойствие в самых невероятных ситуациях. Но, пожалуй, еще ни разу за эти годы положение, в котором он оказался, не выглядело столь скверно. Формально в беду попал, конечно, Крячко, но Гуров не мог так просто взять и разделить – вот это твое, а это мое. У них с Крячко была общая судьба.

Оставалось одно – бороться и непременно побеждать. Гуров никогда не поддерживал принципа: главное не победа, главное – участие. Да и ситуация на этот раз никак не располагала к благодушию. Чтобы разобраться с ней, нужно было действовать на пределе сил и возможностей. В противном случае можно было смело ставить крест на дальнейшей карьере.

А произошло вот что. Крячко примерно недели две назад сообщил, что к нему в гости вот-вот должен нагрянуть двоюродный племянник из Великого Новгорода – человек молодой, но чрезвычайно энергичный и удачливый. Само по себе это событие могло показаться достаточно заурядным, тем более что до сих пор своего родственника Стас знал только понаслышке, но его особенно умиляло, что молодой человек носил ту же фамилию, что и он сам, – Крячко. Для Стаса это было самой лучшей рекомендацией.

Звали новгородского Крячко Виталием, было ему тридцать лет, и занимался он компьютерным бизнесом. Делал это он не только ради наживы, но и, можно сказать, по велению сердца. Прекрасно сам разбирался в новой технике и был одержим идеей покрыть родной город компьютерной сетью, внедрить, так сказать, компьютерную грамоту в каждую новгородскую семью.

Однако, по словам Стаса, на этом поприще у младшего Крячко возникли какие-то весьма серьезные проблемы. Именно по этой причине племянник и засобирился в Москву.

Так себе представлял ситуацию Стас, который черпал информацию из скудных телефонных переговоров с Виталием и самое главное додумывал сам. Он уже готовился применить весь свой специфический опыт, чтобы помочь племяннику, – Крячко был уверен, что проблемы Виталия лежат в криминальной сфере.

В действительности все оказалось совсем по-другому. Истинную цель своего приезда Виталий открыл Стасу только по приезде – в субботу утром. Цель была настолько необычной, что Крячко даже воскресной ночью, будучи совершенно пьяным, продолжал ей искренне удивляться. Виталий приехал в столицу на прием к шаману.

Собственно, Стас плохо представлял себе статус этого деятеля и называл его то шаманом, то колдуном, то еще одним словом, за которое тут же многословно извинялся перед Марией, прижимая руку к мокрому пятну на майке, которое располагалось точно напротив его сердца.

Потребность в обращении к мистическим силам возникла у Виталия Крячко не случайно и не вдруг и, как оказалось, совершенно не была связана с его бизнесом. Специфический опыт Стаса Крячко был тут совершенно ни при чем. Помочь племяннику он был не в силах, даже если бы очень захотел. Проблема младшего Крячко заключалась в безумной неразделенной любви.

Он признался в этом в последний момент – с большой неохотой и смущаясь до грубости. Всяческие попытки Стаса Крячко воззвать к здравому смыслу племянника были отмечены Виталием решительно и бесповоротно. Апологет электроники и кибернетики словно сошел с ума и ничего не хотел слушать. Женщина, в которую он без памяти влюбился, должна была вот-вот выйти замуж, причем за другого, и мысль об этом ввергала Виталия в глубочайшую депрессию. Его поддерживала единственная иррациональная надежда. О колдуне ходили легенды.

– Они же, влюбленные, все того... Фью-ю-ю!.. – косноязычно объяснил этот феномен Стас, для убедительности покрутив пальцем у виска. – Полнейший прибабах!..

Ничего конкретного Стас выяснить про колдуна не успел. Уже в день приезда Виталий должен был идти на прием к этому деятелю. Из каких-то неясных соображений он попросил Стаса сопровождать его. Возможно, просто опасался – колдун жил на окраине Москвы, а час, назначенный Виталию, был далеко не ранний. Впрочем, он вовсе не хотел, чтобы старший Крячко составил ему компанию. Стас должен был доставить Виталия на место и подождать его в машине.

Так они и поступили. К десяти вечера Стас подвез Виталия на своем «Мерседесе» в Лианозово, где в ничем не примечательном доме проживал прославленный колдовских дел мастер, и высадил его.

– Представляешь, этот жлоб, оказывается, настолько популярен, – пожаловался Гурову Крячко, – что запись к нему осуществляется за полгода! Правда, он и иногородних обслуживает... Дураков в России много!.. Наш-то давно записался – все никак очереди не мог дожждаться. Лучше бы с бабой своей разобрался... Цветов бы вагон подарил, что ли... Как это поется – миллион, миллион, миллион алых роз... А то, пока по колдунам ходил, другой подсуетился где надо – теперь в женихах ходит... Но, между прочим, это еще как посмотреть! Как это поется – если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло... Но наш-то дурак не понимает!

Виталий не только ждал. По словам Стаса, на свидание с колдуном он захватил с собой весьма солидную пачку денег.

– Тачку новую купить можно! – дыша перегаром, с чувством заявил Крячко. – Клянусь!

Но, насколько мог понять Гуров, возмущался Крячко только задним числом – на самом деле племяннику он не перечил и позволил делать тому все, что заблагорассудится. Кончилось это плачевно.

Когда Виталий отправился на встречу, Стас рассудил, что время у него есть, и на полчасика уехал. За дневными хлопотами он совсем позабыл, что ему практически нечем кормить гостя, и теперь решил восполнить пробел, набрав продуктов в первом попавшемся ночном магазине.

Успешно выполнив задачу, он вернулся к дому колдуна, и тут его ждал сюрприз. Несмотря на поздний час, пустынная прежде улица была запружена народом, сверкали тревожные огни на крышах милицейских машин, везде суетились люди в столь знакомой Стасу форме, а главное, нигде не было даже следов племянника!

Как на грех, Крячко забыл дома удостоверение, а люди из чужого отделения РОВД его не знали, и ему пришлось потратить много времени, чтобы хоть что-то выяснить. Однако постепенно картина прояснилась, хотя от такой ясности у Крячко на голове дыбом встали волосы.

Оказалось, что на этой самой улице, в этом самом доме только что произошло убийство, и убили не кого-нибудь, а именно прославленного колдуна. Пришел мужик за помощью, а потом взял и убил. И вроде бы убийца сам и вызвал милицию, а уже милиция подключила к этому делу прокуратуру, и теперь в квартире покойного вовсю свирепствует следователь.

– Я сразу понял, что свалил дурака, – покаянно бубнил Крячко. – Не сиделось мне на месте! Заехали бы на обратном пути в магазин... По крайней мере... Хотя... Но вообще, объективно говоря... Эх!

Никаких подробностей выяснить Крячко не удалось. К следователю его решительно не допустили, в квартиру убитого тем более – вообще должностные лица держались с ним на редкость непреклонно и высокомерно, совершенно не проявляя корпоративной солидарности.

Единственное, что он понял, – Виталий попал в беду, и его надо срочно выручать. Сложность была в том, что никто не хотел Крячко выслушать. Все-таки ему удалось вызнать, куда направили арестованного племянника. Он смотался домой за удостоверением и тут же помчался обратно – в прокуратуру, где допрашивали Виталия.

– Представляешь, его мучили всю ночь! – с горечью поведал Крячко. – Это при том, что официально у нас нет ночных допросов... Да дело даже не в этом! Из-за кого? Из-за какого-то шарлатана!

Гуров не стал выпрашивать, считает ли Крячко убийство шарлатана правомерным деянием, да и не до того ему было – Стас перешел к самому страшному.

Он всю ночь безуспешно обивал пороги прокуратуры в надежде увидеть племянника и даже не подозревал, какой удар приготовила для него судьба. Неожиданно уже утром им заинтересовались, внимательно и дотошно проверили документы и препроводили в кабинет следователя, где с ходу огорошили заявлением, что безвременно погибший колдун пал от пули, выпущенной из его, Крячко, табельного оружия.

– Вот тут, брат Лева, я и сел! – мрачно повествовал Стас. – Это называется в огороде бузина, а в Киеве дядька – так ведь?... Как из моего табельного оружия, когда оно...

С оружием, однако, было хуже всего. Крячко в этот раз не оставил пистолет на службе, а прихватил с собой. Так он поступал довольно часто, и в этом не было ничего необычного – многие оперативники придерживались того же правила. Дома Стас запер пистолет в сейф и за выходные ни разу оттуда не вынимал. В Лианозово он также поехал безоружным. Но факт оставался фактом – орудие убийства, найденное на месте преступления, принадлежало Станиславу Крячко – так гласил скупой текст протокола. Каким образом его пистолет попал в руки убийце, Крячко объяснить не мог.

– Ты же знаешь мой сейф? – с пьяной настойчивостью допрашивал он Гурова. – Я всегда прячу туда пистолет. Закрываю на ключ, а ключ глотаю... Ну-ну, шучу... Ни одна живая душа не могла достать пистолет – клянусь! А Виталий не мог никого убить – не та закалка!

Гуров знал этот «сейф» – обыкновенный стальной ящик. При желании разобраться с ним не слишком сложно. И потом, племянник Виталий – седьмая вода на киселе, что он за человек? На этот вопрос не было ответа.

– А ты уверен, что твой Виталий не мог...

– Ну-у! Даже в мыслях не держу! – надулся Крячко. – Он ни сном, ни духом не мог знать про пистолет. И зачем?! Зачем ему убивать? Он за помощью приехал. А это ведь убийство умышленное – несомненно!

Гуров был согласен, что умысел очевиден. Но были совершенно неясны причины. А хуже всего, что Крячко не знал никаких подробностей – ничего конкретного ему про племянника не сказали. Обстоятельства убийства были покрыты туманом. Но не только это смущало Гурова.

– Попробуй напрячь мозги и ответь мне на такой вопрос, – предложил он Крячко. – В прокуратуру ты попал утром в воскресенье. Убийство произошло в субботу вечером. Как удалось так быстро выяснить, что пистолет твой?

Крячко остолбенело разглядывал Гурова – как ни напрягал он мозги, ничего хорошего ему в голову не приходило.

– В любом случае, это очень странно, – заключил наконец Гуров. – Этот вопрос нужно выяснить в первую очередь. Выходит, искали целенаправленно и сразу. Хорошо хоть тебя самого не посадили. Но почему никто не обратился ко мне? Почему не позвонил Петр? Я не понимаю! Неужели прокуратура не поставила в известность генерала?

Крячко долго соображал, хлопая глазами, и наконец сказал:

– По-моему, Петр на выходные куда-то уехал. Был такой разговор со следователем. Просто мне было не до этого. Вообще у меня сложилось впечатление, что они не торопятся контактировать с нашим руководством... А меня не посадили... Меня даже на место преступления не пустили! Но с меня взяли подписку о невыезде... Вот такие они сами себе хозяева, Лева...

– Ты, я вижу, тоже сам себе хозяин! – недовольно проворчал Гуров. – Вместо того чтобы сразу прийти ко мне, ты предпочел нализаться до свинского состояния. Очень разумно!

– Ты не понимаешь, Лева! – с горечью пробормотал Крячко. – Я был вне себя. Я вообще про все забыл. Это же надо – так влипнуть! Теперь все пропало! Как ты думаешь, кому понадобилось меня утопить?

– Я не готов с ходу отвечать на такие вопросы, – сказал Гуров. – Из твоих бредовых речей я не слишком много понял. Нужно разбираться во всем конкретно. Одно могу посоветовать – прекрати вопить, что все пропало. Это меня нервирует. И отправляйся-ка ты спать! К утру ты должен обрести облик, хотя бы отдаленно напоминающий человеческий...

– Я обрету, – пообещал Крячко. – Час здорового сна... и я снова как огурчик... – Он попытался встать и едва не своротил набок стол.

Гуров вовремя подхватил его и, бережно поддерживая за талию, отвел на диван.

– Все пропало, Лева! – бормотал Крячко, укладываясь. – То есть, все в порядке – я помню! Ты, главное, не нервничай! Лева Гуров – голова! Он это дело раскрутит... А я через час буду как огурчик – вот увидишь...

Потом он уронил голову на подушку и тут же заснул, тяжело дыша и постанывая. Мария и Гуров некоторое время молча стояли над ним, тревожно вглядываясь в бледное лицо Стаса. Впрочем, Мария больше смотрела на мужа – таким расстроенным она его еще никогда не видела. Она со страхом ждала, что скажет Гуров. Но он сказал только свое любимое:

– Да, полковник Крячко, попали мы с тобой – на ровном месте, да мордой об асфальт!

Глава 2

На следующее утро Гуров сразу же отправился на прием к генералу. Всегда щепетильный в отношении внешности, Гуров на этот раз превзошел самого себя. Выбритый до блеска, строго одетый, в лучшем своем галстуке, он вполне мог возглавить какой-нибудь дипломатический прием. Держался он предельно официально и с большим достоинством – в деле, которым ему предстояло заняться, нельзя было упускать ни одной мелочи. Противник никогда не должен обнаруживать у тебя слабого места – даже если речь идет всего лишь о внешнем виде.

Крячко остался у Гурова дома. Вопреки заверениям он и после пробуждения выглядел ничуть не лучше, чем накануне. Гуров велел ему отпаиваться минеральной водой и ждать звонка. В полурастерзанном состоянии Крячко мог являться только помехой. Сначала Гуров сам хотел во всем разобраться.

Генерал Орлов принял его не сразу. Это был плохой знак. Когда-то давным-давно, будучи назначенным на высокую должность, Орлов первым делом добился, чтобы Гурова с Крячко перевели к нему в главк. Этим двоим он доверял как самому себе и редко разыгрывал перед ними начальника. Они скорее были членами одной команды. И если генерал вдруг вспоминал, что он генерал, это могло означать только одно – он крайне недоволен. Такое бывало нечасто, но Гурову от этого факта почему-то легче не становилось.

Наконец ему предложили пройти к начальнику. Гуров встал, одернул пиджак и в кабинет вошел с прямой спиной и с поднятой головой – разыгрывать из себя виноватого он не собирался с самого начала.

Генерал, седой и грузноватый, сидел за широким столом, положив локти на полированную поверхность, и, нахохлившись, сверлил Гурова сердитым взглядом от самого порога. Сегодня он надел новый мундир – это было видно невооруженным глазом. Тяжелое золотое шитье на погонах отсвечивало грозным металлическим блеском.

– Ишь, вырядился! – вместо приветствия сказал Орлов, рассматривая Гурова с головы до ног. – На презентацию собрался или сегодня в театре премьеры?

Жена Гурова была известной в Москве актрисой, поэтому в театре он мог считаться почти своим человеком, но сейчас сердитая шутка генерала показалась ему абсолютно неуместной.

– Петр, давай не будем разыгрывать эти сцены! – предложил он. – Ты отлично знаешь, почему я к тебе пришел... Разреши, я сяду?

Орлов махнул рукой.

– Садись! – сказал он. – Знаю!.. С раннего утра со всех сторон докладывают. Странно, что еще на ковер не вызывают... Но за этим дело не станет, я думаю... Это же надо, до какого позора дожили!

Гуров спокойно переждал, пока пройдет первая вспышка генеральского гнева, а потом рассудительно заметил:

– Случай неприятный, согласен! Но лично я никакого позора не вижу, Петр Николаевич...

– Не видишь, значит? – скривил губы Орлов. – Мой оперативник причастен к убийству, а он не видит в этом позора! Хотя теперь новые времена – наверное, я просто отстал от жизни. Этих самых... понятий ваших не знаю – так, что ли?

– Не перегибай палку, – с легкой досадой сказал Гуров. – Понятия здесь ни при чем. Просто Крячко никаким боком к убийству не причастен. Его даже прокуратура не арестовала.

– А пистолет? – Генерал, точно шпагой, ткнул указательным пальцем в сторону Гурова. – Пистолетик-то чей? Преступная халатность – в лучшем случае! А хороший прокурор тебе докажет, что Крячко сам вложил пистолет в руку племяннику... или кто он ему там?

– Я пока не в курсе всех подробностей, – сказал Гуров. – Крячко мне рассказал в общих чертах, но он был сильно не в форме...

– Пьяный, что ли? – подозрительно спросил генерал. – Где он сейчас, кстати? Почему я вижу только тебя? Домой ему звонили – никто не отвечает...

– Правильно, он у меня отлеживается, – объяснил Гуров. – Пусть очухается.

– Вот так, значит? – саркастически произнес генерал, разводя руками. – Ну что ж, у меня нет слов! Остается только тебя послушать. Ты, наверное, уже все продумал? Идею какую-нибудь предложить хочешь?

– Да ничего я не продумал! – сказал Гуров. – Говорю же, я ни черта не знаю! Надеюсь, что тебе-то уж все должно быть известно. Нужно вместе думать, как из положения выпутываться...

– Да уж положеньице! Только выпутываться не получится, Лева! – заявил генерал. – Я так вижу, что твоего Крячко попрут из органов – это в лучшем случае... Если посадят одного племянника, для Стаса это будет такая удача – лучше, чем миллион выиграть. Ну, а меня, конечно, взгреют по первое число. А там и тебе кое-что достанется...

– А мне кажется, не так все мрачно, – возразил Гуров. – Ты Стаса не первый год знаешь. Вот скажи, на кой черт ему понадобилось участвовать в убийстве какого-то мошенника, о котором он до вчерашнего дня и не слышал ничего?

– Говорю, преступная халатность! – повторил генерал.

– Не верю! – отрезал Гуров. – Оружие домой многие берут. Ты помнишь, чтобы оно в уголовном деле фигурировало?

– Было! – упрямо произнес Орлов. – Сейчас точно не скажу, при каких обстоятельствах, но случаи такие имели место.

– Вот, в том-то и дело, что точно не помнишь! – перебил Гуров. – Математики это называют допустимой погрешностью. Знаешь, что я прежде всего подумал? Пистолет у Стаса выкрали!

– Ну да, выкрали, – кивнул генерал. – Племянничек и выкрал.

– Да не племянничек! – отмахнулся Гуров. – Ну, представь себе такую картину: приезжает родственник, видит Стаса, можно сказать, впервые в жизни, находится у него дома всего пару часов и первым делом крадет из сейфа оружие? Бред какой-то! Он же не уголовник – компьютерщик...

– Эти компьютерщики, по-моему, самые сумасшедшие и есть, – доверительно сказал Орлов. – Но дело не в этом. Сам говоришь, видел впервые в жизни... Так как можно поручиться за человека, которого впервые в жизни видишь?

– Да ведь этот племянник в Москву приехал, чтобы от колдуна помощь получить! – напомнил Гуров. – Зачем бы он его убивать стал, да еще, можно сказать, с порога? Ведь с того момента, как Стас высадил его у дома и отъехал за продуктами, не более получаса прошло...

Генерал прищурился.

– А с чего ты взял, что этот племянник за помощью приехал? – ехидно спросил он. – Он сам так сказал? Эх, Лева! А еще лучший сыщик главка! А если этот родственник план убийства уже год вынашивал? Если он каждую мелочь продумал?

– Ага, и сам милицию вызвал и за решетку уселся, – буркнул Гуров. – Нечего сказать, тщательно продуманный план!

Генерал казался несколько смущенным, но все равно не сдавался.

– Темна вода во облацех! – мрачно заключил он. – Ну ничего, с племянником прокуратура пусть разбирается. Нам тут ничего не светит, Лева, как бы мы ни старались! Стас пистолет проворонил, оружие на месте преступления нашли, труп с пулевым ранением имеется, племянник последний, кто его живым видел... Дрянь его дело – прямо скажу! Хотя криминалисты еще своего слова не сказали, но, я думаю, все сойдется. Не за что нам тут уцепиться!

– А я в этом не уверен, – покачал головой Гуров. – Меня одна вещь смущает. Оба Крячко приехали к колдуну в десять вечера. Допустим, в половине одиннадцатого его грохнули. Потом милиция, прокуратура, следственные мероприятия... Дело до поздней ночи затянулось. Когда успели пистолет проверить? Рано утром в прокуратуре уже знали, что пистолет принадлежит Стасу... Откуда?

– Сейчас не каменный век, – возразил генерал. – Сам же говоришь, компьютеры... Определить принадлежность оружия – минутное дело!

– Не думаю, – скептически заметил Гуров. – Я нашу систему знаю. В лучшем случае про пистолет сегодня бы стало известно. Просто кто-то сразу надоумил прокуратуру, где ей следует искать. Ткнул, так сказать, пальцем.

Орлов недоверчиво посмотрел на него.

– Ну, вообще-то... В принципе, я и сам так думаю... – нерешительно сказал он. – Но ведь бывает, что и у нас оперативно все делается. Наверное, тут как раз такой случай. Ведь ты еще не знаешь – самое неприятное, что этим делом почему-то поручено генеральной прокуратуре заниматься... Видно, кто-то наверху настоял. А это уже, сам понимаешь, совсем иной уровень! И розыскные мероприятия будут проводить не наши кадры, а оперативники из специального отдела при все той же прокуратуре... Так что наши сбоку – ваших нет, как говорится!

– Генеральная? – озадаченно протянул Гуров. – Ничего себе! Да кто он такой, этот колдун? Почему к нему такое внимание?

– А я знаю? – пожал плечами Орлов. – Я ведь, Лева, ни к колдунам, ни к знахарям не хожу. Это все увлечения для модников. Сейчас модно воду в ступе толочь. А я по старинке – если чего, в госпиталь...

– Значит, надо узнать, – заявил Гуров. – Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Ты что же – предлагаешь собственное расследование организовать? – спросил генерал. – Без санкции? Это, знаешь, как называется?

– Что же, сидеть и ждать, пока нас по щекам отхлещут? – сердито поинтересовался Гуров.

– А ты бы хотел, чтобы нас еще и ногами потоптали! – еще более сердито ответил Орлов. – Начальство только этого и ждет. Оно самостоятельности не любит...

– Да это дело чести – Стаса вытащить! – повысил голос Гуров. – А ты своей принципиальностью всю песню портишь! Между прочим, если мы невиновность Крячко докажем, тебе министр первый скажет спасибо!

Орлов пренебрежительно покачал головой и не согласился.

– Ты, Лева, большой ребенок! Министры не для того существуют, чтобы спасибо говорить. Это я с вами цацкаюсь, а со мной никто. Я, повторяю, про колдуна убиенного знать ничего не знаю, однако по всему выходит, что тут какие-то серьезные отношения завязаны...

– Ну вот видишь! – обрадовался Гуров. – Сам говоришь, серьезные интересы. Тогда при чем тут компьютерщик из Новгорода? Ясное дело – он не убивал!

– И ничего не ясное! – вспыхнул Орлов. – Ты мои слова не извращай! Про компьютерщика мы с тобой не больше, чем про колдуна, знаем. Может, это он для Стаса компьютерщик...

– Тогда тем более мы должны вмешаться, – упрямо заявил Гуров. – Лично я не собираюсь сидеть сложа руки и ждать, звездочки только у Стаса полетят или сразу голова...

– Не собираешься, значит? – зловеще сказал Орлов. – А что же ты, интересно, собираешься? Может, просветишь старика – по старой дружбе?

– Пока я еще и сам не знаю, – ответил Гуров. – Но что-то надо делать. Вот хорошо бы узнать, кто следователю про пистолет подсказал...

– Хорошо бы... – презрительно заметил Орлов. – Еще хорошо в королевской семье родиться – сразу в наследники престола попадаешь...

– Ну, а для начала хотя бы все про колдуна выяснить, – нисколько не смутившись, продолжал Гуров. – Неспроста его убили, да так, что генеральная прокуратура разволновалась. Если мы узнаем, что это была за личность, думаю, нам многое станет понятно...

– Ну, узнавай! – вдруг сказал генерал. – Я возражать не стану. Мне и самому любопытно, что за колдуны такие топчут нашу землю... Только давай знаешь как сделаем? Официально на расследование поставить я тебя не могу – действуй на свой страх и риск. Я, конечно, в случае чего сделаю что смогу, но сам понимаешь – многого от меня в таких условиях ждать не стоит... Поэтому будь предельно осторожен!

– Я всегда предельно осторожен, – сказал Гуров. – Вот за других ручаться не могу, к сожалению... Но, в случае чего, лечусь за свой счет – годится?

Орлов сумрачно улыбнулся.

– Договорились, – сказал он. – А я, так и быть, со своей стороны, попробую узнать, кто у нас пистолетами сильно интересуется... Ты только Крячко передай, чтобы больше глупостей не делал и, как протрезвеет, – сразу ко мне!

Глава 3

До сих пор Гурову не приходилось так близко сталкиваться с вопросами черной магии. Мир, в котором он вращался, был предельно реалистичным – порой он даже больше напоминал мир джунглей с кровавыми и беспощадными законами выживания. Здесь рассчитывали не на потусторонние силы, а на собственные зубы и когти. Колдуны и волшебники – это было что-то из детства, которое само по себе казалось теперь неправдоподобным, как сказка.

Конечно, Гурову прекрасно было известно о целом сонме мошенников, которые, зарабатывая себе на кусок хлеба с маслом, занимаются всяческого рода предсказаниями, снятием порчи или же, напротив, насыланием оной. В смутные времена пророки всегда пользуются спросом. Однако ни ему, ни Крячко до сих пор не приходилось сталкиваться с такими преступниками вплотную – это был не их профиль. Тем более что многие шарлатаны официально таковыми и вовсе не считались – они имели патенты, лицензии, были зарегистрированы как частные предприниматели и могли обманывать граждан на вполне законных основаниях. От них только требовалось исправно платить налоги.

Это соображение навело Гурова на мысль, что поиски стоит начинать именно в этом направлении. Поскольку убитый колдун имел разветвленную клиентуру, включающую в себя представителей других регионов, значит, он далеко не бедствовал, и на него наверняка должна была положить глаз налоговая инспекция. У Гурова имелся хороший знакомый в этом ведомстве – старший инспектор Покровский. К нему Гуров и отправился.

Предварительно созвонившись, он не стал объяснять по телефону причину визита, однако Покровский и сам соображал очень неплохо. Встретил он Гурова сдержанно – видимо, придерживался старого правила, что чужие неприятности заразительны.

Однако во время разговора с его круглого гладкого лица не сходило сочувственное выражение, а ответы его были обстоятельны и конкретны. Может быть, Покровского и смущал этот визит, но демонстрировать это в открытую он не решился. Для этого он слишком уважал Гурова.

– Кажется, у вас в главке неприятности, Лев Иванович? – спросил он, озабоченно приглаживая редкие русые волосы на макушке. – Станислав... Да-да, слышал что-то краем уха... Слухи у нас быстро распространяются. Очень печально! А ко мне по делу или просто навестить решил?

Гуров покачал головой.

– Сам знаешь, Виктор Алексеевич, – сказал Гуров. – На «просто» у нас времени не бывает. Дело у меня к тебе. И как раз по поводу того самого, о чем ты говоришь.

– Вот как? – слегка удивился Покровский. – Всегда рад помочь. Только я не совсем понимаю... Тебе скорее в прокуратуру надо...

– Туда я всегда успею, – сказал Гуров. – Сначала со знающим человеком поговорить хочу. Раз ты про Стаса слышал, значит, должен знать, что случилось.

– Так, в общих чертах... – уклончиво ответил Покровский.

– Вот и я в общих, – вздохнул Гуров. – Из его пистолета какого-то колдуна убили. Как это получилось – вопрос отдельный. Что выросло, то выросло, как говорится... Меня сейчас другое интересует – что за личность колдун этот? Я так понимаю, если у человека клиентура, реклама и гонорары, значит, он предпринимателем считается и у вас на крючке непременно должен быть, верно?

– Ну, на крючке – это ты сильно сказал! – усмехнулся Покровский. – Нормальные рабочие отношения, вот как это называется, если человек закона не нарушает...

– А он, значит, не нарушал? – спросил Гуров. – С трудом верится. Если так кончил, значит, что-то было...

– Давай уточним, про кого мы с тобой речь ведем, – терпеливо произнес Покровский. – Я ведь предупредил, что только по слухам... Какой колдун имеется в виду? Может, ты не в курсе – в Москве их как собак нерезанных...

– Кто такой, не знаю, – сказал Гуров. – Известно только, что он из Лианозова. Во всяком случае, там у него шарашка – в обычной квартире.

Покровский задумался, мучительно наморщив лоб, а потом без особого энтузиазма сказал:

– Знаю, про кого ты говоришь. Догадываюсь. Он по документам как народный целитель проходит. Однако в жизни предпочитает, чтобы его именовали магистром. Расчет тонкий – само по себе слово ничего не означает, но целителей и колдунов у нас пруд пруди, а магистр – это звучит гордо! Как и все такие типы, он отличный психолог и большой прохиндей. Знаешь, тут какое дело? По слухам, у этого типа десять тысяч долларов – самая низкая расценка, а вообще в последнее время он все больше высшее общество обслуживает...

– Обслуживал, – поправил Гуров. – Если мы об одном и том же человеке говорим, конечно.

– Да о нем! – досадливо махнул рукой Покровский. – Наверняка о нем. Я, кстати,нисколько не удивлен, что его убили. Наверняка ухватил кусок не по зубам...

– Что ты о нем еще знаешь? – спросил Гуров.

– В общем, не очень много, – пожал плечами Покровский. – Лично мне с ним сталкиваться не приходилось. Да и поводов особых не было – налоги он платил исправно. С тех сумм, которые фиксировались в документах... – улыбнулся он. – Поэтому-то, наверное, он и старался держать такую широкую клиентуру – вел, как положено, запись, финансовую отчетность – не подкопаешься. Конечно, это была лишь верхушка айсберга, но глубже вряд ли кто заглядывал – слишком высокие покровители, знаешь ли...

– Неужели высокие покровители верят в это мракобесие? – удивился Гуров.

– А что ты думаешь? – сказал Покровский. – В России так всегда было. Вспомни Распутина.

– Этого я вспомнить никак не могу, – отшутился Гуров. – Меня на свете не было. А как звали этого типа?

– Постой... Имя у него тоже необычное – с претензией... М-м... Звали его, кажется, Генрихом. А фамилию не помню. Да и ничего она тебе не даст, эта фамилия – он, естественно, под псевдонимом работал – все та же театральщина, для впечатления...

– Да, немного ты знаешь, – покачал головой Гуров.

Покровский внимательно посмотрел на него, помялся и не слишком охотно сказал:

– Знаешь что? Попробуй разыскать Сашку Викулова – я тебе сейчас координаты черкну... Он у нас прежде работал. Теперь юридическим консультантом в одной совместной с греками фирме. Вот он напрямую твоим колдуном занимался. Только не знаю, как он тебя примет – ведь он как раз по этой причине и уволился, понимаешь?

– Вот тебе раз! – сказал Гуров. – А сам мне объяснял, что никаких претензий к этому Генриху ваша служба не имеет! Все, мол, в ажуре...

– Так и есть, – спокойно ответил Покровский. – Все в ажуре и никаких претензий. Особенно после того, как Сашке пришлось уволиться... Не хотелось заострять на этом внимание, но сам видишь, какого полета эта птица. Тебе, Лев Иванович, стоит поосмотрительнее... того... любопытствовать! Это я тебе по дружбе говорю. Знаю, что ты на полдороге не останавливаешься.

– Спасибо, что предупредил, – криво усмехнулся Гуров. – Мне по рангу положено любопытствовать, Виктор Алексеевич! А когда товарищ в беде – и подавно.

– Все верно, Лев Иваныч, – неохотно сказал Покровский. – Только ты то учти, что колдуна не просто так убили. А ну как узнал он что-то такое, что посторонним знать не поло-

жено? – Покровский понизил голос и наклонился поближе к Гурову. – Представляешь, что он мог от своей клиентуры узнать?!

– Не представляю, – спокойно ответил Гуров. – А ты, Виктор Алексеевич, похоже, все-таки в колдунов-то по-настоящему веришь, а?

Гладкое лицо Покровского сделалось абсолютно серьезным и даже отстраненным.

– Самое страшное, Лев Иванович, – после короткой паузы назидательно сказал он, – что на самом-то деле я вообще ни в кого не верю!.. Ни в кого и никому! И тебе, кстати, того же желаю...

– Нельзя жить и каждого человека опасаться, – заметил с улыбкой Гуров. – Шашкой, конечно, размахивать я не стану, но... Короче, давай адресок твоего Сашки Викулова – время дорогое!

Получив желаемое, Гуров пожал руку Покровскому, помахал в воздухе листком с адресом и провозгласил:

– Ну вот, еще десять тысяч ведер – и золотой ключик у нас в кармане! Мистика мистикой, а Гурова еще никому не удавалось провести.

Покровский встал со своего места, проводил Гурова до дверей. У порога спросил осторожно:

– Станислав что же – под стражей сейчас?

– С утра был на свободе, – сказал Гуров. – У меня такое впечатление, что сам он никого не интересуется – кому-то его оружие приглянулось. Как говорится, если на сцене висит ружье – оно должно выстрелить.

Уже садясь в свою машину, Гуров неожиданно обратил внимание на булыжного цвета «Фольксваген», который стоял на противоположной стороне улицы. Гуров готов был поклясться, что два типа, сидевшие в нем, ведут за кем-то наблюдение – профессиональный нюх не мог его обмануть. Слишком терпеливый и безразличный вид был у этой парочки.

Стекла в машине были слегка затененные, поэтому лица пассажиров Гуров в подробностях рассмотреть не мог. Зато, памятуя о ружье, которое непременно должно выстрелить, он решил на всякий случай подстраховаться.

Выехав на перекресток и с величайшей досадой убедившись, что «Фольксваген» тоже тронулся с места, он медленно свернул направо и, миновав один квартал, снова повернул. Затем остановился возле магазина канцелярских принадлежностей и посмотрел в зеркало. Серый автомобиль вывернулся из-за угла и прокатился мимо. Его пассажиры, бесстрастные, как роботы, неотрывно смотрели вперед, нисколько не интересуясь тем, что происходит вокруг. Гурову это совсем не понравилось.

Минуту спустя он развернулся и поехал в обратную сторону. А еще через пять минут в зеркале заднего вида появились очертания булыжно-серого «Фольксвагена». Ошибки быть не могло – за Гуровым следили.

Глава 4

Офис греческой строительной фирмы располагался в новом двадцатипятиэтажном здании, расположенном недалеко от Садового кольца. Наверное, дела у греков шли не так уж плохо.

До места Гуров добрался на метро, оставив «Пежо» в проходном дворе в районе Таганки, куда заехал, чтобы обмануть своих преследователей. Это оказалось не слишком сложным делом – несмотря на настырность, «топтуны» не выглядели проворными. Возможно, у них просто не было приказа на плотную слежку.

У Гурова было время поразмыслить над неприятным обстоятельством, которое неожиданно на него свалилось, и он пришел к выводу, что, скорее всего, следить за ним начали уже от главка – если вообще не от самого дома, и то, что «хвост» он обнаружил так поздно, целиком лежит на его совести.

Такой жгучий интерес к его персоне мог означать только одно – кто-то действительно преднамеренно и сознательно заманил Крячко в ловушку – и вовсе не из-за личной неприязни. Чертовски ловкий ход – чтобы сбить с толку сыщика, воспользоваться для убийства пистолетом самого сыщика. Как говорится, немая сцена.

Но это означало также и то, что кем-то была проведена большая подготовительная работа. Кандидатуру Крячко не с потолка взяли. Наиболее вероятный путь, по мнению Гурова, был следующий. Будущий убийца наверняка имел доступ к спискам клиентуры магистрата. И не просто имел – он пристально изучал эти списки, прикидывал, на кого лучше свалить вину. Пока наконец не наткнулся на фамилию Крячко.

Гуров вынужден был признать, что времени у преступника было предостаточно. Племянник Стаса ждал очереди полгода. За этот срок можно было изучить привычки и обстоятельства жизни всего главка. Правда, для этого требуется не только время. Гуров не сомневался – делом занимались профессионалы. Поэтому и «хвост» к нему приставили – они знали, что Гуров не будет сидеть сложа руки.

Все это было неприятно, но зато Гуров мог воочию убедиться, что действует в правильном направлении. Его противник невольно будто подсказывал – так держать, полковник Гуров! Вопрос был в том, как долго этот невидимый противник будет ограничиваться одними подсказками. Гуров чувствовал, что ходит по невидимой грани – стоит чуть-чуть поскользнуться, и не сносить ему головы. Скорее всего, с ним расправятся так же тихо и загадочно, как с покойным магистром, – Гуров был уверен, что стиль будет выдержан четко. Эти люди совсем не горят желанием демонстрировать свое истинное лицо.

Но дело было даже не в нем самом – могли пострадать люди, с которыми Гуров намеревался вступить в контакт, жена, коллеги, друзья. Ради них нужно было держаться особенно осмотрительно.

Именно поэтому Гуров десять раз убедился, что избавился от «хвоста», прежде чем отправиться на свидание с бывшим налоговым инспектором. В глубине души это бесило его – он, отслеживающий преступников, сам был вынужден действовать как преступник! Но обстоятельства не оставляли ему выбора – приходилось смириться.

Александра Викулова, юрисконсульта фирмы, Гуров разыскал без труда. Однако пришлось не менее получаса дожидаться, пока тот освободится, – шли какие-то переговоры в кабинете управляющего, и Викулов должен был там присутствовать.

Бывший инспектор оказался довольно молодым, по-военному подтянутым и очень серьезным человеком. И к тому же крайне занятым. Едва Гуров попытался заговорить с ним в коридоре, неосторожно предупредив, что хочет выяснить один частный вопрос, как Викулов немедленно и болезненно отреагировал, сказав:

– Простите, у меня совершенно нет времени для частных вопросов! Очень много работы. Попробуйте связаться со мной вечером – возможно, я сумею что-то для вас сделать... – В голосе его слышалась едва сдерживаемая досада.

Гуров понял, что дал промашку, и попытался зайти с другого бока.

– Я тоже прошу прощения, – холодно сказал он. – Пожалуй, я неудачно выразился. Меня зовут Лев Иванович Гуров. Я – старший оперуполномоченный по особо важным делам, полковник. И вопрос, который я хотел задать вам, связан с убийством.

Разговор велся на ходу, но после этих слов Викулов резко затормозил и, озадаченно морща лоб, уставился в упор на Гурова.

– Что? – недоверчиво воскликнул он. – Какое еще убийство?

У него были правильные тонкие черты лица, и следил он за собой едва ли не старательнее, чем Гуров, благодаря чему выглядел как истый европеец, характерный представитель благополучного, знающего себе цену племени.

– Убили одного человека, с которым вы были знакомы, – объяснил Гуров. – Я был бы очень признателен, если бы вы сообщили мне некоторые подробности биографии этого человека.

– О ком речь? – растерялся Викулов. – Кажется, все мои знакомые живы, слава богу... Я что-то не слышал ничего такого...

– Не думайте, что хочу вас заинтриговать, – сказал Гуров. – Просто я даже толком не знаю, как этого человека зовут. Некий магистр черной магии по имени Генрих... Вы же с ним встречались?

На интеллигентное лицо юриста набежала тень. Он упрямо наклонил голову и сказал с деланным равнодушием:

– Ах, вот оно что! Еще раз извините, оперуполномоченный, но нам с вами не о чем разговаривать. Мое знакомство с этим человеком было чисто формальным, и было это достаточно давно. С тех пор я ни разу его не видел.

– Я понимаю, – терпеливо заметил Гуров. – Но для меня важны любые сведения.

– А для меня важна моя работа, – парировал Викулов. – Поэтому прощайте! Если у вас есть ко мне вопросы, присылайте повестку – иного выхода я не вижу.

– А ты умный, Викулов, не дурак! – похвалил Гуров. – На молоке обжегся, теперь на воду дуешь! И тебе, я вижу, нисколько не стыдно? Молодой мужик, косая сажень в плечах, а похож на щенка, который удирает, поджав хвост.

Лицо Викулова омрачилось. Демонстративно посмотрев мимо Гурова, он процедил сквозь зубы:

– Даже из уважения к вашим почтенным сединам я не намерен выслушивать оскорблений, господин полковник! Скажите спасибо, что я все-таки хорошо воспитан. Обычно я обиды не прощаю...

Гурову все это уже порядком надоело. Он вдруг шагнул вперед и сгреб Викулова за лацканы дорогого пиджака.

– Послушай, что я тебе скажу, сынок! – негромко, но внушительно произнес Гуров. – В отличие от тебя я частенько прощаю обиды. Не знаю, в чем тут дело – может, возраст?.. Я трусости не прощаю! Она слишком дорого обходится, понимаешь? Из-за таких, как ты, осторожных мы все сейчас в дерьме сидим по самые уши! И не только в дерьме, между прочим, а и в крови тоже... Ты хоть помнишь, юрист, что есть люди, которые на работе кровь проливают?

Викулов попытался вырваться, но Гуров держал его крепко. В глазах бывшего налогового мелькнуло смятение.

– Да чего вы от меня хотите, черт подери? – почти жалобно пробормотал он. – Вам нравится проливать кровь – флаг вам в руки! Ко мне-то вы чего цепляетесь?.. Ну да, я не храбрец,

ну и что? – он криво усмехнулся. – Читали небось в школе – «жизнь дается один раз»?.. Мне тоже второй никто не предложит...

Гуров медленно разжал пальцы. Викулов, оглядываясь исподлобья по сторонам, принялся быстро приводить себя в порядок. Весь гонор уже слетел с него. Гуров понял, что в глупине души Викулов не на шутку боится. Просто Гурова он боится не так сильно, как тех, кто заставил его поменять работу.

– Ну что ж, вот это уже другой разговор, – удовлетворенно сказал Гуров. – А то – «обид не прощаю», понимаешь! А когда в отставку тебе велели отправляться – отправился как миленький... Неужели на душе кошки не скребли?

– А это вас не касается, – буркнул Викулов, отворачиваясь.

– Это тебя ничего не касается, – заметил Гуров. – В своей норке хочешь отсидеться. Из своего опыта знаю, что такие номера обычно плохо кончаются. Удача улыбается тем, кто рискует, прости за банальность...

Викулов еще раз украдкой оглянулся по сторонам, но, осознав, что маленького происшествия никто из посторонних, кажется, не заметил, немного успокоился. Он отошел в сторону и, повернувшись лицом к широкому окну, за которым открывалась панорама Садового кольца, бесстрастно сказал:

– Ну что ж, можете считать, что задела меня за живое. Я расчувствовался и понял, что до сих пор жил неправильно. Вы на это надеялись, когда читали тут проповедь? Черта с два! Ни вам до меня, ни мне до вас нет никакого дела. Просто я догадываюсь, что вы от меня не отстанете и еще больше испортите мне жизнь. Я отвечу на ваши вопросы, если дадите слово, что больше меня никто не будет беспокоить. Чего вы от меня хотите? Каких откровений? Я ни сном ни духом не ведал с утра ни о каком убийстве...

– Охотно верю, – сказал Гуров. – Но и мне нужно не так уж много. Я же не заставляю тебя назвать имя убийцы. Скажи мне хотя бы имя колдуна, прах его побери! Я даже этого не знаю!

Викулов недоверчиво посмотрел на него, но не стал высказывать никаких замечаний. Ему по-прежнему хотелось поскорее отделаться от Гурова.

– Этого человека звали Генрих Блок, – произнес он терпеливо, как школьник, отвечающий плохо выученный урок. – Отчества, откровенно говоря, не помню – все-таки это не вчера было... Чрезвычайно неприятный тип! Но это, конечно, субъективно – кое-кто в нем души не чаял... Не знаю, чем он их всех брал. Однако, говорят, был дьявольски проницателен и в психологии разбирался лучше любого профессора. Хотя я точно знаю, что, кроме двух незаконченных высших, у него ничего за душой не было...

– Генрих Блок, Генрих Блок, – задумчиво повторил Гуров. – Чем же он все-таки занимался, этот Генрих Блок? За что ему деньги платили?

– За глупость всякую, – сердито ответил Викулов. – За предсказания, за магию – привороты, наговоры... Между прочим, этой фигней сейчас балуются даже очень высокие люди, представляете?

– Очень даже представляю, – сказал Гуров. – Тут мне, кстати, о Распутине недавно напомнили...

– Вот-вот, – поддакнул Викулов. – Поэтому, когда я по молодости и наивности попытался выяснить подлинные доходы Блока, он просто обратился к одному из своих высокопоставленных клиентов. Не знаю, что он ему сказал – может быть, что у меня плохая аура...

– А как тебя попросили покинуть здоровый коллектив? – перебил его Гуров. – Извини, что спрашиваю, но уж очень любопытно, под каким соусом можно выгнать своего сотрудника из-за явного шарлатана, да еще уклоняющегося от налогов.

– Да нет ничего проще, – невесело улыбнулся Викулов. – Просто мне дали понять, что не хотят больше меня видеть. Я пытался изобразить что-то эдакое... Но мне намекнули, что человеку в любой момент можно устроить такую пакость, после которой он всю жизнь не отмоется.

Например, подбросить в стол меченые деньги... А это уже сроком пахнет. Я не стал сопротивляться.

– На каком же уровне тебя припугнули? – поинтересовался Гуров.

– На уровне начальника отдела, – с вызовом сказал Викулов. – Ну и что? Вы же сказали, что я трус! Разумеется, я не стал ждать, пока то же самое скажет начальник управления. По крайней мере, теперь я спокоен. Да и материальное положение...

– Понятно, – сказал Гуров. – Но давай вернемся к Блоку. Как ты думаешь, могли у него быть враги?

Взгляд Викулова потух. Он поморщился и сказал:

– Вы опять за свое... Поймите, все это было довольно давно. Никаких секретов я узнать не успел. А насчет врагов... Одного врага Блока я могу назвать вам точно – это я сам. Но в убийцы прошу меня не записывать...

– А я и не собираюсь, – спокойно ответил Гуров. – Там действовали более крепкие люди... Значит, секретов вы не знаете? А кто может знать? У Блока были близкие люди? Ну, кому он мог довериться? Уж это вы должны были успеть выяснить!

– Пожалуй, – неохотно проговорил Викулов. – У него была в ту пору секретарша. Насколько помню, звали ее Натальей... Да, Наталья Жукова. Жила она возле Новоарбатского моста. Какое-то время я сдуру пытался ее разговорить. Красивая и увертливая стерва! Вот она наверняка знает все секреты маэстро. Только сомневаюсь, что она захочет ими с вами делиться.

– Не захочет? – серьезно спросил Гуров. – Тогда подскажите еще парочку фамилий, для верности.

– Ну, какая тут верность! – презрительно фыркнул Викулов. – Это уж как повезет. Был еще шофер – Смагин Илья Васильевич. Водил черный «Мерседес» Блока. Может, до сих пор водит... Ну, этот вообще постоянно рот на замке держал. Могила... Впрочем, был у Блока один дружок, который говорил очень много – можно сказать, страдал словесным поносом, – Васильков Михаил Корнеевич. Не слышали про такого?

– Не доводилось.

– Очень интересная личность. Между прочим, тоже бывший юрист. Практика у него не пошла, но зато в смутное время он сумел пролезть в политику. Остался, правда, где-то на периферии, но кое-какие полезные знакомства завел. Именно через него Блок выходил на самых серьезных клиентов.

– Это уже теплее, – заинтересовался Гуров. – И вы знаете, где можно найти этого человека?

Викулов замялся и часто заморгал глазами – кажется, он уже пожалел, что сказал лишнее.

– Ну-у... я не знаю... Мне не пришлось с ним тесно общаться. Впрочем, думаю, вы разыщите его без труда. По газетам я знаю, что Васильков до сих пор возглавляет некий общественно-политический фонд под названием «Форум XXI»...

– Он такая важная шишка? – удивился Гуров.

Викулов невольно улыбнулся.

– Ну, не знаю, насколько важная, – сказал он. – Кое-какие связи наверху у него имеются – это я уже сказал. Но не воображайте, что этот «Форум» что-то из себя представляет. Просто ширма для мелких махинаций на политической ниве. Держится на плаву благодаря личной инициативе и авторитету шефа. Хотя авторитет, на мой взгляд, довольно сомнительный...

– Это хорошо, если сомнительный, – заметил Гуров. – Легче будет наладить контакт. Люди с сомнительной репутацией уважительно относятся к органам правопорядка. Тем более, ты говоришь, что этот Васильков любит поговорить...

Викулов скептически посмотрел на него.

– Блажен, кто верует, – сказал он. – Знаете, что я думаю? Может, вам стоит поискать новое место работы? Думаю, скоро вас попрут тоже...

– Жизнь покажет, – не слишком любезно ответил Гуров. – Пока этот вопрос стоит не так остро, как тебе хотелось бы.

– Да мне-то что, – скучно сказал Викулов. – Это ваши проблемы. Я предупредил просто...

– Ну, спасибо, – жестко сказал Гуров. – Хоть предупредил.

Глава 5

Гуров сидел за рабочим столом, обложившись газетами, и хмуро просматривал их одну за другой. Он уже понял, что информацию о магистре Блоке придется собирать по крупицам, и решил для начала ознакомиться с рекламными объявлениями покойного.

Реклама Блока в газетах присутствовала, но удивительно скудная. Примерно в каждом десятом номере попадалось лаконичное объявление – что-то вроде: «Магистр черной и белой магии Г.Блок. Прием с 14 до 24 час. Телефон такой-то» – и все. Покойный не увлекался рекламой. Видимо, был убежден, что слухом земля полнится.

Наверное, он был по-своему прав. Возможно, в глазах клиентов отсутствие обычной рекламы только прибавляло ему таинственности и одновременно достоверности. Если о тебе все знают и полусшепотом передают друг другу твоё имя, ни к чему крикливые объявления.

Зато теперь Гурову было над чем поломать голову. «Прием с 14 до 24 час.» – вот и вся информация. Негусто. Документация магистра, если таковая существует, категорически недоступна. Племянник Крячко за решеткой. Материалы следствия за семью замками. Особо не разгуляешься. Гуров раздраженно отбросил в сторону газеты и откинулся на спинку стула. Между бровей его залегла тяжелая складка.

Тихо открылась дверь кабинета, и почти неслышно вошел Крячко. Он негромко поздоровался и осторожно присел на свой стул, жалобно глядя на Гурова.

Такое поведение было совершенно нехарактерно для Стаса. Впрочем, он сегодня вообще выглядел необычно – черный пиджак, глаженные брюки и криво повязанный галстук делали его похожим на страдальца, вызванного на судебное заседание по поводу алиментов. Может быть, такая мысль пришла Гурову в голову еще и потому, что во всей фигуре Крячко присутствовали покорность и смирение, обычно ему не свойственные.

– Наконец ты появился, – проворчал Гуров. – Я уже начинал беспокоиться, не отправили ли тебя следом за твоим племянничком... Выглядишь ты, впрочем, неплохо – только в глазах что-то такое... овечье, что ли... Неужели не отошел еще?

– Ты имеешь в виду... – Крячко смущенно щелкнул себя по горлу. – Ты прости, Лева, глупо получилось. Но я, правда, был не в себе. Просто совершенно потерял голову.

– И решил поискать ее в бутылке «Смирновской»? – ехидно поинтересовался Гуров.

– Был грех! – вздохнул Крячко. – Черт попутал. Но теперь с этим категорически покончено. Завязал!

– А что же так кисло выглядишь? – спросил Гуров.

Крячко махнул рукой.

– Я ведь сегодня нарасхват, – сокрушенно признался он. – Сначала к его превосходительству на ковер ходил... Какие слова он мне говорил, повторять не стану. Совсем озверел старик! Я его не виню, конечно. Сам кругом виноват. Ну, а от работы меня теперь отстранили – до окончания расследования.

– Ну, Петр обязан был тебе разные слова говорить, – заметил Гуров. – Ему их в кабинете у министра продиктовали. Никуда не денешься.

– Да я понимаю, – кивнул Крячко. – Я еще почему расстроился? Сегодня у меня дома следственная группа была. Сейф проверяли и все такое... Племянша моего тоже притащили, чтобы он, значит, подтвердил, каким способом проник в сейф и похитил табельное оружие. С намеком – не с моего ли молчаливого согласия...

– И что? – спросил Гуров.

– Да ничего. Можно сказать, по нулям, хотя и не в нашу пользу, – сказал Крячко.

– Это как же понимать? – поднял брови Гуров.

– Ну, правда, следователь сумел себя убедить, что таким, как я, доверять оружие не только опасно, но и преступно. Что сейф мой можно открыть спичкой, а сам я – потомственный алкоголик, садист и растяпа. Но главного ему доказать пока не удалось.

Гуров вопросительно посмотрел на него.

– Что пистолет взял именно Виталий, – объяснил Крячко. – Племяшу, видно, в камере туго приходится – лица на нем нет, бледный весь, но держится молодцом. Ничего на себя брать не стал, как ни давили на него. Может, выкрутимся, если не сломается он. Ведь на сейфе даже его отпечатков пальцев нет – я в этом на сто процентов уверен...

– В жизни всякое случается, – задумчиво сказал Гуров. – Сегодня нет – а завтра, глядишь, появятся. С мистикой как-никак дело имеем.

– Вот и я говорю, – заторопился Крячко. – Кто его знает! В тюрьме не сахар, а Виталий человек все-таки интеллигентный... На сколько ему сил хватит?..

– Его силы тут ни при чем, – возразил Гуров. – Хотя, конечно, лучше бы было, если бы он на себя лишнего не брал. Это может здорово осложнить дело. Но в первую очередь все зависит от нас с тобой. Нам с тобой нужно искать, кто твой пистолет выкрал и колдуна прикончил. И делать это побыстрее, потому что мы и так все ушами прохлопали...

– Лева! Ты-то тут при чем? – покаянно воскликнул Крячко. – Это я, кретин...

– Полное раскаяние в кабинете у прокурора напишешь, – улыбнулся Гуров. – Давай к делу. Нам с тобой в первую очередь трех человек проверить бы надо. Но дело это непростое – все они на Блока работали. Нужно у каждого из них подноготную проверить. Я тут по всем трем запрос в архив сделал – к вечеру обещали позвонить. Может, за кем-то из них грешки водились в прошлом...

Крячко покачал головой и сказал безнадежно:

– Честно говоря, сдается мне, что ничего у нас на этот раз не получится, Лева! Слыханное ли дело – убийство мелкого жулика генеральная прокуратура расследует! Значит, наверху кто-то в этом очень заинтересован.

– Да уж этот факт можно считать бесспорным! – кивнул Гуров. – Но, может, оно и к лучшему? Нужно просто узнать, кто именно во всей этой катавасии заинтересован, и золотой ключик у нас в кармане!

– Легко сказать! – уныло протянул Крячко. – Ну и узнаем, допустим, – что это меняет? Нам этих людей все равно не достать.

– Что же теперь – лапки сложить и на дно идти? – сердито спросил Гуров. – Стыдно, полковник!

– Ну, стыдно, а что делать? – потерянно произнес Крячко. – Мне и Петр сказал, чтобы я сидел тихо и не рыпался.

– Тихо – это то, что нужно, – согласился Гуров. – Но рыпаться мы будем. Пусть не надеются, что нас так запросто скрутить можно. Мы с тобой и не в таких переделках бывали!

– В таких еще не бывали, – вздохнул Крячко. – И это еще, попомни мои слова, цветочки! А вот возьмутся за нас обоих...

– Уже взялись, – сказал Гуров. – За мной уже следят, между прочим. Наверняка и тобой заинтересуются. Так что держи ушки на макушке.

– И это все, что от меня требуется?! – с отчаянием произнес Крячко. – Я и так уже от каждой тени шарахаюсь! Ты бы мне дело, что ли, какое-нибудь дал – иначе я в себя так и не приду, наверное! Это я к тому, что инициативы от меня сейчас ждать не приходится – голова не работает, жить не хочется... Чувствую себя лишним человеком на этом свете – как Печорин какой-нибудь, ей богу!

Гуров посмотрел на его грубоватое мужественное лицо, которое сейчас выражало совершенно детскую обиду, и усмехнулся.

– Дело, говоришь? – спросил он. – Ну вот тебе одно дельце для начала. Нужно моих «пастухов» с толку сбить. Сейчас выйди из главка первым и, нигде не задерживаясь, садись в мою машину, – он перебросил Крячко связку ключей. – И сразу уезжай. Если заметишь за собой «хвост» – «Фольксваген» булыжного цвета – значит, все в порядке.

– А куда мне ехать-то? – растерянно спросил Крячко.

– А куда хочешь! – ответил Гуров. – Главное, подальше от Новоарбатского моста. И еще постарайся, чтобы как можно дольше не заметили, что ты – это ты, понимаешь? Хотя это маловероятно, конечно. По-моему, за мной профессионалы ходят.

– Неужели опять генеральная прокуратура? – испуганно спросил Крячко.

– Не думаю, – мотнул головой Гуров. – Прокуратура исключительно семейством Крячко занимается. За рамки необходимого и достаточного выходить она не станет – тут я на сто процентов уверен.

– Тогда кто же?

– А вот это вопрос, – сказал Гуров. – Полагаю, что кому-то очень важно знать, чем занят полковник Гуров и не собирается ли он сунуть свой нос в дело магистра Блока...

– Думаешь, это и есть убийцы?

– Ну, убийцы они или нет, это может определить только суд, – сказал Гуров. – Но то, что они в этом деле не посторонние, – несомненно.

– Так, может, взять за шкирку? – с надеждой спросил Крячко. – Тряхнуть хорошенько...

– Тут вопрос – кто кого тряхнет, – серьезно ответил Гуров. – Да и неизвестно, что еще потом будет. Как бы не получилось так, что нас всех с работы попросят. Конечно, свободного времени навалом будет, но возможности уже не те... Прежде чем тряхнуть, сначала разобраться надо.

– И с кем ты с первым разбираться надумал? – спросил Крячко.

– Сначала хочу навестить помощницу Блока, – ответил Гуров. – То ли секретаршу, то ли соратницу по нелегкому колдовскому делу – Жукову Наталью...

– Ах, черт! – хлопнул себя по лбу Крячко. – Совсем забыл! Генерал велел тебе передать, кто навел следователя на мысль, где следует искать хозяина пистолета. Ему это под большим секретом в прокуратуре сообщили. Как думаешь – кто такой умный?

– Надо понимать, эта самая Жукова и есть? – спокойно спросил Гуров. – Раз ты только сейчас о таком «пустяке» вспомнил.

– Да голова, говорю, как чужая, – смущенно сказал Крячко. – Ничего не соображает, честное слово... А насчет Жуковой в самую точку! Она сразу подсказала следователю, что пистолет может принадлежать мне. Вот такие дела.

– И следователь не удивился этому заявлению?

Крячко развел руками.

– Вот это ни мне, ни Петру уже не ведомо, – сказал он. – Хорошо еще, хоть чем-то поделились.

– Да, хорошо, – задумчиво проговорил Гуров. – Что же, нечто в этом роде я и предполагал. Как говорится, и ты, Брут! Выходит, секретарша и соратница замешана во всем непосредственно. Но не следует забывать, что слежку за мной она организовать никак не могла. Значит, она здесь на самом деле лишь десятая спица в колесе. Организовал убийство кто-то другой. Но Жукова была посвящена во многое. Думаю, ее использовали вовсю. Запугали или купили... А что из этого следует?

– Что с нами она разговаривать не будет, – неуверенно сказал Крячко. – У нас таких денег нет, чтобы ее перекупить.

– Это само собой, – кивнул Гуров. – Но дело не в этом. Я боюсь, что кому-то очень скоро захочется от такой свидетельницы избавиться. Поэтому нам нужно спешить.

– Я уже выхожу, – сказал Крячко, со вздохом поднимаясь из-за стола.

Глава 6

Как выяснилось, Наталья Жукова жила практически на равном удалении и от Новоарбатского моста и от Бородинского. Достаточно престижное место даже для помощницы всемогущего колдуна. Правда, окна ее дома не выходили на набережную – дом был спрятан в глубине квартала, но это было, в конце концов, не смертельно – до Москвы-реки рукой подать.

Дверь подъезда была оборудована домофоном, но в этом отношении проблем у Гурова не возникло – он проник в дом вместе с молодой парой, видимо, супругами, которые так бурно выясняли отношения, что ничего вокруг не видели и не слышали. Гурова они тоже не заметили. Выяснение отношений не прекращалось ни на минуту даже в лифте, и, когда Гуров вышел на четвертом этаже, он еще некоторое время слышал невнятный ор на два голоса, который, точно галлюцинация, доносился из гудящей шахты лифта.

Молодые люди были красивы, хорошо одеты и, наверное, не бедствовали. Что же породило в них такую беспощадную обоюдную ненависть? Гуров не мог этого понять. В нынешней жизни было многое, что Гуров отказывался понимать, – в ней было слишком много беспричинной ненависти, безоглядной погони за деньгами, беззастенчивого обмана и слишком мало простой человеческой морали, которую Гурову внушали с детства. Новые поколения пытались прожить без морали, но это у них плохо получалось – они мучили себя и других и постоянно обижались, не в силах понять, где таится источник их бед.

Гуров подозревал, что та женщина, которую он собирался навестить, была из числа таких людей. Вряд ли между ними мог состояться откровенный разговор, но хотя бы посмотреть на представительницу темных сил Гурову представлялось необходимым – он должен был узнать, чем она дышит и чего боится.

Остановившись напротив двери в квартиру, Гуров поправил узел галстука, пригладил волосы и позвонил. Он не волновался – просто хотел выглядеть на все сто. Хотя, откровенно говоря, шансов на то, что хозяйка окажется дома, было маловато. Гуров знал, что люди странных профессий всегда где-то пропадают. У Натальи Жуковой было слишком много причин, чтобы ни с кем не встречаться. Гуров был готов к тому, что здесь у двери все и закончится.

Но ему открыли, и Гуров сразу же понял, что промахнулся. На пороге перед ним возник совсем не тот человек, которого он хотел видеть, – не красавица-ведьма, а высокий парень с бесстрастным выражением лица и широкими плечами, на которые так и просились погонь. Гурова опередили, хотя могло ли быть иначе?

Поняв свою ошибку, Гуров попытался сразу ретироваться, но тут в прихожую почти выбежал еще один человек – постарше, с озабоченно наморщенным лбом, с пронизательным, но отнюдь не ласковым взглядом. Потирая руки, он мигом оглядел Гурова с ног до головы и объявил нарочито громко, словно играя в радушного хозяина:

– Что же вы на пороге? Проходите, проходите, не стесняйтесь! Ни-ни-ни! Никаких зайду попозже! Мы вас давно ждем, проходите! Рутецкий! – Он повелительно посмотрел на молодого человека с широкими плечами.

Рутецкий послушно распахнул пошире дверь и недвусмысленным жестом дал понять Гурову, что дороги назад у того уже нет.

Гуров был далеко не уверен, что эта парочка ждет здесь именно его, но деваться было некуда – назвался груздем, полезай в кузов. Он спокойно шагнул в чужую прихожую и даже сделал вид, что не заметил, как Рутецкий захлопнул за ним дверь и демонстративно загородил ее своей широкой спиной.

«Шестой десяток разменял, а ума не нажил, – думал про себя Гуров, проходя за беспкойным своим проводником в комнаты. – Нужно было предвидеть такой вариант. Похоже, в

этом деле я обречен опаздывать. Как бы только гражданка Жукова не повторила судьбу своего хозяина... Или любовника? Откуда здесь такой переполох?»

Однако происходящее в квартире вряд ли было правильно называть переполохом, хотя некий форс-мажор все-таки наблюдался. Людей здесь было необычно много для стандартной квартиры – Гуров на глаз насчитал человек десять, и их профессиональная принадлежность угадывалась буквально с ходу. Хотя, строго говоря, они и не собирались ее скрывать – в квартире шел самый настоящий обыск. Молодые крепкие люди потрошили шкафы, перелистывали книги, простукивали стены и совершали прочие подобные манипуляции. Опытным взглядом Гуров без труда обнаружил присутствующих здесь понятых – они скучали и переминались с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Все по закону? – одобрительно заметил Гуров. – Это радует. Я уж было решил, что имею дело с незаконным проникновением.

Его спутник обернулся.

– Вот как? – с хищными интонациями спросил он. – Вы так решили? Это любопытно. Однако пройдемте в кухню – здесь слишком тесно, а мне хотелось бы, чтобы нам не мешали.

На кухне тоже сустились двое, но человек, сопровождавший Гурова, без лишних предисловий выгнал их и немедленно приступил к тому, что вполне можно было назвать допросом.

– Кто вы такой? – спросил он у Гурова. – И с какой целью сюда явились? – голос его звучал уже совершенно официально.

Он не предложил Гурову садиться, и сам остался стоять навтыжку, заложив руки за спину. Его взгляд буквально просверливал Гурова насквозь. Менее хладнокровный человек в такой ситуации непременно растерялся бы, но на Гурова это не произвело особого впечатления.

– Перед тем как задавать такие вопросы, – посмеиваясь, заметил он, – неплохо было бы представиться... Раз уж у вас тут все по закону. А моя фамилия – Гуров, – он показал свое удостоверение.

Лицо незнакомца заметно вытянулось, а во взгляде промелькнула неприкрытая досада.

– Полковник Гуров! – с непонятым выражением воскликнул он. – Ясно! Как же я упустил из виду?... Это же было ожидаемо... Впрочем...

– Мы, кажется, оба упустили что-то из виду, – примирительно сказал Гуров. – А вы так и не назвали своего имени...

– Терехин. Из следственного отдела генеральной прокуратуры, – буркнул нелюбезно гуровский собеседник. – А вы чего ожидали? И, кстати, своего вопроса я не отменяю – с какой целью вы сюда явились, полковник?

– Да уж не обыск устраивать, – сказал Гуров. – Хотел познакомиться с хозяйкой квартиры. Надеюсь, с ее здоровьем все в порядке?

Терехин подозрительно взглянул на него.

– Почему вы спрашиваете про ее здоровье? – осведомился он. – Что вам известно?

– Абсолютно ничего, – хладнокровно ответил Гуров. – Вам-то наверняка известно больше.

– Вас это несколько не касается, – отрезал Терехин. – В настоящий момент вы должны отвечать на мои вопросы.

– А я уже ответил, – сказал Гуров. – Пришел познакомиться. Говорят, госпожа Жукова – редкая красавица. И, надо же, такое разочарование – вместо красавицы – Терехин из генеральной прокуратуры!

За это высказывание Гуров был удостоен неприязненного взгляда, и Терехин сказал:

– Оставьте ваше остроумие при себе! Я слышал, что вы слишком много о себе воображаете, но на меня это не действует! Я вас совершенно официально предупреждаю – не вздумайте вмешиваться в ход следствия, Гуров! Вас это не касается, понятно?

– Непонятно, – упрямо сказал Гуров, также демонстративно закладывая руки за спину. – Давай начистоту, Терехин! Да, у меня нет официальных полномочий, но здесь задета честь моего коллеги и друга, да и вообще всего МВД, я считаю. Просто отвернуться и сделать вид, что ничего не происходит, я не могу. Неужели вот это не понятно? Сам-то ты на моем месте как поступил бы?

Лицо Терехина сделалось замкнутым.

– Другими словами, – напыщенно произнес он, – вам, Гуров, очень хочется выгородить друга и свое ведомство. Именно поэтому этим делом и занимаемся мы – генеральная прокуратура. О вашем вмешательстве я буду вынужден доложить руководству. А вам предлагаю немедленно покинуть эту квартиру и больше никогда здесь не появляться!

– Будь же человеком, Терехин! – с укоризной сказал Гуров. – Я никого не собираюсь выгораживать. Я просто хочу установить истину. А вот вы, по моему мнению, явно пытаетесь свалить вину с больной головы на здоровую. Скажешь, что это не так, Терехин? А откуда же вы тогда так оперативно установили владельца пистолета? Кто-то расторопный буквально подсунул вам его на блюдечке, верно?

На лице Терехина отразилась секундная растерянность.

– Что вас удивляет, Гуров? – сумрачно произнес он. – О пистолете заявил убийца.

– У вас уже есть его признание? – удивленно сказал Гуров. – А я слышал совсем другое. И не мог он ничего знать о пистолете, врешь ты, Терехин! О пистолете вам намекнула Жукова. А вот это уже наводит на размышления... Ей-то откуда знать о сотруднике главка по фамилии Крячко?

Терехин явно чувствовал себя сейчас не в своей тарелке.

– Не собираюсь вступать с вами в дискуссию, Гуров, – сказал он. – Вы для меня – лицо постороннее. К тому же заинтересованное. Прошу вас немедленно удалиться!

– Нет проблем, – ответил Гуров. – Только убедительная просьба – проводи меня до выхода, Терехин. При таких методах работы нет никаких гарантий, что меня не скрутят под каким-нибудь надуманным предлогом...

– Вы нарываетесь на неприятности? – устало проговорил Терехин. – Не слишком разумно, если вы собираетесь помочь своему другу...

– Мы оба нарываемся на неприятности, Терехин, – заметил Гуров. – Просто ты пока об этом не догадываешься.

Глава 7

На этот раз Гуров взял такси. Это создавало у него хоть какую-то иллюзию движения. Он и так везде безнадежно опаздывал.

Судя по всему, Жукову он упустил. Вряд ли она была арестована – если только не сама организовала это убийство. Но Гурову такой вариант представлялся маловероятным. Значит, дамочка или подалась в бега, или ей помогли перебраться туда, где она могла составить компанию своему бывшему работодателю. Такое было вполне возможно, но для Гурова это было бы худшим вариантом. У него был не слишком большой выбор.

Теперь он ехал на улицу Симонова, где, по его данным, проживал неразговорчивый шофер черного «Мерседеса», принадлежавшего Блоку. «Интересно, кому теперь достанется лимузин? – рассеянно поглядывая в окно машины, думал Гуров. – В принципе, ничего удивительного, если Илья Васильевич Смагин на этом самом «Мерседесе» и скрылся. Под шумок. Когда ищут не того, кого надо, такое вполне возможно».

Гуров специально несколько раз попросил таксиста сменить маршрут, чтобы убедиться, что на этот раз за ним нет слежки. Таксист попался выдавший виды и просьбу воспринял как само собой разумеющееся. Они некоторое время колесили по довольно замысловатой траектории, но в результате Гуров сумел убедиться, что «хвоста» за ним нет. В конце маршрута Гуров мысленно поблагодарил Стаса, расплатился с таксистом и вышел за два квартала от цели. Несмотря на спешку, он был крайне щепетилен.

Шофер колдуна жил в старом доме, никак не являвшемся памятником архитектуры. Где он ставил черный «Мерседес» и как до него добирался, Гуров не мог себе представить – разве что поблизости имелся какой-нибудь приличный гараж.

На этот раз Гуров вел себя осмотрительнее. Он не стал сразу ломиться в нужную квартиру, а для начала попытался побеседовать со старушками, отдохавшими во дворе на лавочке. Со старушками Гуров умел разговаривать. Им льстило внимание положительного, вежливого мужчины, с иголочки одетого и, несомненно, видного. Зря считается, что на старушек мужская красота не действует. Гуров знал, что это непростительное заблуждение.

Через полчаса ему уже было известно все о Смагине. Все в полном смысле этого слова, потому что, по словам соседок по двору, выходило, что не далее как вчера Смагин Илья Васильевич разбился в автокатастрофе. На своем черном «Мерседесе» он на полном ходу врезался в грузовик, перевозивший несколько тонн цемента. Произошло это где-то на Кольцевой автодороге.

– Они ведь сейчас носятся как сумасшедшие! – объяснили происшествие старушки. – Ничего вокруг не видят. Улицу перейти страшно!

Старушки не знали о смерти магистра Блока. А Гуров знал, и такое объяснение удовлетворить его никак не могло. Человек, сидевший за рулем цементовоза, был далеко не сумасшедшим. Он ясно понимал, что к чему. Может быть, он ничего не знал о Гурове, но зато заранее знал, что Гурову и на этот раз суждено опоздать.

Настроение у Гурова было испорчено. Неудачи преследовали его с удручающей быстротой и последовательностью. Вот и еще один свидетель исчез. Если дело пойдет и дальше таким образом, Гурову грозит перспектива остаться в одиночестве среди мертвых.

Зато теперь он мог без опаски наведаться в квартиру Смагина. Вряд ли можно было ожидать обыска в квартире, где лежит покойник. Шофер не секретарша – известную ему информацию он хранит в голове. Это прекрасно понимал тот, кто управлял злосчастным грузовиком. А кто, кстати, управлял? Гуров не верил, что это могло быть случайным происшествием.

Дверь в квартиру Смагина была открыта. В доме стоял особенный тяжелый запах – резко пахло увядающими цветами, хвоей и химикалиями. Это был запах смерти.

В комнатах было полно народу, и на приход Гурова почти никто не обратил внимания. Покойник лежал в гробу, обтянутом алым ситцем. Крышка была наглухо закрыта – видимо, при столкновении Смагину здорово досталось. Хозяйка, маленькая заплаканная женщина, неподвижно сидела возле гроба, бессильно опустив руки, и не моргая смотрела куда-то в пространство. Два долговязых прыщавых подростка, растерянно приткнувшихся рядом, были, вероятно, сыновьями Смагина.

Гурова встретила бойкая полная женщина в черном. В чертах ее лица угадывалось некоторое сходство с хозяйкой дома. Однако в отличие от нее эта женщина вовсе не казалась убитой горем. То ли врожденная энергия не позволяла ей ни на секунду расслабляться, то ли гибель Смагина не слишком ее огорчала. На похоронах всегда имеются такие люди. Именно на их плечи ложится груз всех забот, связанных с этим нелегким делом, – и они прекрасно со всем справляются.

– Вы знали Илью Васильича? – выслушав соболезнования, негромко спросила женщина, пытливо разглядывая Гурова проницательными, хитрющими глазами.

Гуров не стал испытывать судьбу и честно признался, что Смагина не знал вовсе.

– Значит, вы из милиции, – убежденно заявила женщина.

– Не стану отпираться, – сказал Гуров. – Оттуда. Однако, если я мешаю, могу немедленно уйти.

Женщина, прищурив глаза, еще раз смерила его взглядом и неожиданно сказала:

– Да кому вы теперь можете помешать!.. Правда, вашего брата здесь уже перебывало больше, чем хотелось бы, но, в конце концов, одним больше, одним меньше... Проходите на кухню! – Кажется, Гуров как мужчина ей понравился.

– Не знаю, что уж за рок такой! – со вздохом сказала она, когда они с Гуровым уединились в крошечной кухне. – Только ведь вот Генриха Борисовича убили, у которого Илья Васильич работал, а теперь и он сам... Анна уж больно переживала, где Илья теперь такую хорошую работу найдет, а вышло, что никакой работы ему уже искать и не надо. Как говорится, человек предполагает, а господь бог располагает...

– Это верно, – поддакнул Гуров и как бы невзначай спросил: – А работа у Ильи Васильевича, значит, хорошая была?

Женщина опять хитро прищурилась.

– А то вы не знаете! – сказала она. – Сами все уж небось до седьмого колена раскопали, а все спрашиваете! Ох и въедливый вы народ, милиция!

– Да нет, я на самом деле ничего не знаю, – прикидываясь смущенным, произнес Гуров. – Понимаете... Простите, вас как зовут?

– Можете звать меня Ниной, – милостиво разрешила женщина. – Я сестра Анны, старшая... А вас как звать-величать?

Гуров назвал свое имя и звание и продолжил:

– Понимаете, Нина, в любой профессии есть свои сложности и есть свои неудачники. Вот, если хотите, сейчас вы такого неудачника и видите. За что ни возьмусь – все из рук валится. Начальство то и дело на ковер вызывает, шею намыливает. Давай результат! А где его взять, результат? Невезучий я!

– Ну да! – недоверчиво протянула Нина. – Невезучий! Небось был бы невезучий, до полковника не дослужился бы!

Гуров махнул рукой.

– Да это просто выслуга! Старый я, на пенсию пора. А перед пенсией всем полковника дают...

– Так уж и всем? – опять не поверила Нина. – Я многих ментов... извините, милиционеров знаю – дальше лейтенанта ни один не пошел. Прикидываетесь вы!.. Ну, это ваше дело! Так чего вы хотите знать, невезучий полковник? Работа у Ильи какая была? Денежная была

работа. Генрих Борисович деньги лопатой загребал и своих не обижал тоже. Илья у него лет пять работал – они с Анной все на новую квартиру копили. Чуть-чуть недокопили – самую малость... Это то, что я знаю. А чего не знаю, того и говорить не стану – Илья Васильич насчет этого был строг. Лишнего ничего не рассказывал.

– Это похвально, – заметил Гуров. – Я сам не люблю болтунов. А как Илья Васильевич погиб? Говорят, попал в аварию?

– Попал, – вздохнула Нина и, понизив голос, добавила: – Не знаю, какая уж там авария. Илья водитель очень аккуратный был – с восьмидесятого года ни одной аварии. Поэтому Генрих Борисыч его к себе и взял. А тут – сразу и насмерть! Про это, конечно, пусть милиция выясняет, а только никакая это не авария! Кому-то понадобилась его смерть, так и знайте!

– Кому же? – спросил Гуров.

– А вот это вам не у меня спрашивать надо, – отрезала женщина. – Конечно, вы у нас невезучий, но уж постарайтесь!.. Только Анне ничего говорить не надо – ей, бедной, и так тяжело. Зачем ей эти дела?

– Согласен, – сказал Гуров. – Тем более что еще неизвестно, есть они, эти дела, или все это одно изображение... Вы почему вот решили, что Илья Васильевич не случайно погиб? Где, кстати, произошла авария?

Нина посмотрела на него с явным разочарованием.

– А вам, похоже, полковника и впрямь зря дали, – сказала она. – Ничего-то вы не знаете! На Ленинградском шоссе все случилось. Илья за город поехал, на дачу Генриха Борисовича – какие-то дела у него там остались. И только он развязку проскочил на Кольцевой дороге, как тут его грузовик и встретил. Лоб в лоб! Илью изуродовало страшно – точно через мясорубку пропустили человека. Поэтому и гроб, вы видели, закрытым держим...

– Понятно, – сказал Гуров. – Так ведь к этому времени Генрих Блок уже в покойниках числился. Зачем же Илья Васильевич к нему на дачу поехал? Разве что его туда следователь вызвал?

– Не следователь, – мотнула головой Нина. – Анна мне сказала, что Илье эта вертихвостка позвонила...

– Что за вертихвостка? Вы не Наталью Жукову случайно имеете в виду? – спросил Гуров, демонстрируя некоторую осведомленность.

– Ее и имею, – согласилась Нина. – Анна, дурочка, все мужа к ней ревновала – совсем достала мужика. Только я сразу, как эту Жукову увидела, поняла – нашему Илье тут ловить нечего! Это птица совсем другого полета!

– А вы были хорошо знакомы с Жуковой? – спросил Гуров.

– Откуда! Один раз только и видела – Илья куда-то ее при мне отвозил... Так мне для этого и знакомиться не надо – женская интуиция!

– Женская интуиция – это серьезно! – сказал Гуров. – Значит, эта самая Жукова позвонила вчера Илье Васильевичу и предложила приехать на дачу к Блоку, правильно я понял?

Нина энергично кивнула.

– Ни свет ни заря позвонила, – подтвердила она. – Он сразу засобирился. Даже завтракать не стал. Анна, конечно, пускать его не хотела, но он и слушать ее не стал. Сказал «надо» – и все. Анна-то совсем другое имела в виду, а получилось, будто предчувствовала что-то...

– А где находится эта самая дача? – поинтересовался Гуров.

– Там и находится – на Ленинградском шоссе, – объяснила Нина. – Километрах в десяти от Москвы. Сама я там не бывала, не знаю, но Анна говорила, что там где-то новый поселок строится, для богатеньких. Назвали красиво – Высокое. Только, например, мне лично такая красота даром не нужна! Я лучше поживу подольше.

– Совершенно с вами согласен, – сказал Гуров. – У нас с вами практически одинаковые взгляды на жизнь. Я тоже предпочитаю синицу в руках.

– Ну, насчет вас у меня тоже свое мнение, – неуступчиво заметила женщина. – Считаю, что темните вы много! Но вам это даже идет, – улыбнулась она.

– Уверяю вас, в этом отношении вы ошибаетесь! – сказал Гуров. – Как хотите, а ваша интуиция вас тут подвела. Я с вами совершенно откровенен. Но позвольте еще один вопрос – в аварию, насколько я понимаю, попали двое. А что со вторым шофером?

– А что с ним? – в голосе Нины послышался вызов. – Сбежал, говорят. До сих пор ищут. Только кому это больно надо – искать? Я же говорю, неспроста все это...

– Ну, тут вы не правы, – солидно сказал Гуров. – Раз ищут, значит, найдут. Не в Бразилию же он подался!

В глубине души Гуров не исключал и такого варианта, но ему не хотелось расстраивать эту симпатичную женщину. Да и не хотелось лишний раз ронять марку своего ведомства. Милицию и так теперь ругали все кому не лень.

Больше ничего путного словоохотливая Нина Гурову не сказала – возможно, осторожничала, а скорее всего, и сама ничего не знала. Гуров подозревал, что Илья Смагин был из тех мужчин, которые даже на смертном одре не раскрывают всех тайн. Вряд ли он был до конца откровенен даже с женой и детьми. На что же мог рассчитывать такой невезучий полковник милиции, как Гуров?

Когда он вышел со двора на улицу, было уже четырнадцать минут второго. Время неумолимо утекало, а Гуров, как ему казалось, все топтался на одном месте, ни на сантиметр не приблизившись к истине. Работать в одиночку было совсем не так просто, как это показывают в кино про частных сыщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.